УДК 94 (470) «19»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-23-32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ГРАЖДАНСКИЙ МИР ИЛИ НОВЫЙ ВИТОК ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ВЛАСТЬЮ?

Телицын В. Л.*Институт всеобщей истории РАН**119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности политических настроений российского крестьянства в первые годы новой экономической политики и их воздействие на социально-политическую ситуацию в стране.

Процедура и методы. Анализ и сопоставление документальных материалов государственных учреждений (Совета народных комиссаров, Центрального комитета Российской коммунистической партии, Объединённого государственного политического управления), раскрывающих события, происходившие в России в 1921–1923 гг. в условиях начала осуществления новой экономической политики. Работа подготовлена в соответствии с принципом историзма и на основе использования системного метода исследования.

Результаты. Обосновано, что российское крестьянство не сразу и неоднозначно приняло новую экономическую политику, поскольку её составные элементы хотя и предполагалось использовать для установления гражданского мира, но произвол и вседозволенность местных властей «обесценили» этот замысел, в результате чего новую экономическую политику (1920-е гг.) можно считать лишь коротким перемирием между властями и крестьянством.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в получении оригинального по новизне научного материала, который может быть положен в основу спецкурсов по социально-экономической истории России и по истории российского крестьянства в условиях революционных кризисов.

Ключевые слова: Россия, новая экономическая политика, 1921–1923 гг., крестьянство, политические настроения

THE POLITICAL MOOD OF THE PEASANTRY IN THE FIRST YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY: CIVIL PEACE OR A NEW ROUND OF CONFRONTATION WITH THE AUTHORITIES?

V. Telitsyn*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences**32A Leninskii prospekt, Moscow 119334, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the features of the political moods of the Russian peasantry in the first years of the New Economic Policy and their impact on the socio-political situation in the country.

Methodology. The research was conducted using the analysis and comparison of documentary materials of state institutions (the Council of People's Commissars, the Central Committee of the Russian

Communist Party, the United State Political Administration), revealing the events that took place in Russia in 1921–1923 in the context of the early implementation of the New Economic Policy. The research follows the principle of historicism and based on the use of a systematic method of research. **Results.** The Russian peasantry did not immediately and ambiguously adopt the New Economic Policy, because, even though its separate elements were intended for establishing civil peace, the abuse of power by the local authorities “devalued” this plan; as a result, the New Economic Policy (1920s) can be considered only a short truce between the authorities and the peasantry.

Research implications. Original scientific material has been obtained that can be used as the basis for special courses on the socio-economic history of Russia and on the history of the Russian peasantry in the conditions of revolutionary crises.

Keywords: Russia, New Economic Policy, NEP, 1921–1923, peasantry, political sentiments

На истории политических преобразований и социально-экономических реформ 1920-х гг. в России до сих пор акцентируют внимание отечественные исследователи, поскольку изучение и обобщение управленческого и хозяйственного опыта даст возможность избежать досадных просчётов и ошибок во внутренней политике и предотвратить гипотетические политические и социальные конфликты.

Предметом статьи являются политические настроения российского крестьянства в 1921–1923 гг. – то есть на начальном этапе новой экономической политики.

Цель работы состоит в обосновании и анализе особенностей политических настроений российского крестьянства в первые годы (1921–1923 гг.) новой экономической политики.

Для её достижения необходимо: 1) рассмотреть причины, предопределявшие вектор направления политических настроений крестьянства в 1921–1923 гг.; 2) проанализировать основные тенденции эволюции крестьянских настроений в связи с развитием новой экономической политики.

Исследование поставленных задач осуществлялось на основе принципа историзма и с использованием системного метода, – всё это дало возможность осуществить скрупулезный научный анализ рассматриваемой проблемы.

К истории особенностей эволюции российского крестьянства в условиях но-

вой экономической политики (нэп) отечественные исследователи обращались неоднократно, в том числе и в самые последние годы, в частности, рассматривались и общественно-политические настроения крестьянства, и социокультурные изменения, и социальные эмоции, но – на протяжении всего нэпа и, как правило, в условиях отдельно взятого региона [1–4]. Внимание к этим и другим исследовательским аспектам свидетельствовало о том, что место и роль российского крестьянства в эпоху новой экономической политики оставалась едва ли не самой определяющей.

Однако проблема научных настроений крестьянства на начальном (1921–1923 гг.) этапе новой экономической политики до сих пор не была удостоена внимания со стороны историков, тогда как именно этот период во многом предопределил вектор дальнейшего развития взаимоотношений власти и общества, социально-хозяйственных аспектов развития страны и аграрного сектора в частности.

Чем стала новая экономическая политика для Советской России? Временем, когда военно-коммунистические методы управления сменились более-менее либеральными подходами к проблемам, существовавшим в экономике и обществе? Этот постулат был общепринят в исторических исследованиях. Считалось, что именно нэп предотвратил трансформацию Гражданской войны из столкновений «эксплуатирующих классов с эксплу-

атируемыми» в столкновение «рабочего класса с крестьянством». В доказательство тому приводятся Кронштадтский «мятеж» 1921 г., Тамбовское и Западно-сибирское восстания 1920–1921 гг.), которые можно рассматривать как начальную фазу нового витка вооружённого противостояния и которым не дали разрастись только благодаря нэпу (на самом деле – благодаря жёстким репрессиям).

Считалось также (в исторической литературе), что крестьянство на протяжении, по крайней мере, первой половины 1920-х гг. не проявляло недовольства какими-либо действиями Советской власти в экономической сфере: либо будучи «успокоенными» новым земельным кодексом 1922 г., возможностью аренды земли и найма рабочей силы, либо потому что все усилия свои направляло (крестьянство) на преодоление последствий голода начала 1920-х гг., и ему (крестьянству) было не до политических проблем.

Однако документы (письма и обращения в Совет народных комиссаров, ВЦИК, лично руководителям Советского государства, сводки ОГПУ и другие) свидетельствуют, что в крестьянской среде протестные настроения не исчезли даже после того, как многие большевистские политики заговорили весной 1921 г. о «мире с деревней».

По нашим (неполным) подсчётам, только с мая 1921 г. по конец 1923 г. в российских губерниях было зарегистрировано более 700 выступлений крестьянства (разной интенсивности: от отказа выполнять трудгужповинность до вооружённого сопротивления)¹.

В первую очередь, свою роль в том, что протестные настроения в деревне после объявления новой экономической политики и первых шагов по её реализации не исчезли, а наоборот, даже увеличились и стали острее, сыграла ситуация с нехваткой продовольствия и голодом, при-

чём именно в аграрных районах, и именно в начале 1920-х гг.

Большевики ещё до Октября 1917 г. позиционировали себя как политическую силу, способную решить продовольственный вопрос в России (обострившийся после начала мировой войны), считая, что стоит только по-новому выстроить отношения с деревней, ликвидировать товарно-денежные отношения и рынок вообще, ввести строго нормированные нормы продовольствия. И вопрос с поставками хлеба в города решится так же, как решится и вопрос поставок промышленных товаров в деревню. Но это – теория, мало имеющая общего с реальностью. Продовольственный вопрос не только не был решён, но и достиг в 1921 г. своей пиковой, кульминационной точки – голода, поразившего в различной степени десятки губерний Советской России.

Вот несколько сообщений с мест за 1921–1923 гг. Лето 1921 г.: в Симбирской губернии на почве острого недостатка продовольствия вспыхивают голодные волнения, которые угрожают перерасти в настоящий бунт, способные охватить все уезды². В Чувашии сельское население (до 85%) большинства волостей пришивало к муке траву и опилки³, что стало одной из причин неспособности в быстрые сроки справиться с развившимися в регионе эпидемией сыпного и брюшного тифа и эпидемией сибирской язвы. По данным местной статистики, смертность сельского населения в этом районе превышала рождаемость в 1S–2 раза⁴. А в Татарской республике крестьяне уже с весны 1921 г. употребляли в пищу суррогаты и траву в «сыром виде», что резко увеличило число заболевших и умерших⁵. Особо указывалось на то, что в богатом (до революции) Касимовском уезде озимые посевы выгорели от засухи, что грозило голодом не только этому уезду или

¹ Подсчитано по данным: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621, 2625, 2627–2656.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 4.

³ Там же. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 8.

губернии, но и ближайшим районам¹. В Рязанской губернии настроение крестьянства оценивалось как «неудовлетворительное». Это в том числе результат и того, что из-за острой нехватки продовольствия во всей губернии пришлось закрыть детские сады и больницы. Из Пензенской губернии сообщали, что в мае 1921 г. голодало до 70% крестьянского населения. Из Саратовской губернии поступала информация о настоящих массовых волнениях, которые характеризовали как «голодные». Также «голодными» характеризовали уезды Оренбургской губернии прибывшие туда за хлебом рабочие Подмоскovie². В одном из уездов губернии более 5000 крестьян, собравшись на центральной площади города, требовали от местных советских властей выдачи зерна, угрожая в противном случае разгромом волостных исполнительных комитетов. Из губернского центра был выслан отряд частей особого назначения с целью «предотвратить беспорядки». Встретив сопротивление со стороны недовольных, отряд открыл огонь на поражение. Только по официальным данным ранение получили 14 крестьян³. Но волнения в губернии на этом не прекратились. Через несколько дней в близлежащей к губернскому центру Федоровской волости был разгромлен ссыпной пункт и «расхищено» 6000 пудов зерна. Особо отмечалось, что местный губернский гарнизон «небоееспособен», так как состоит в основном из местных жителей, мобилизованных из деревень⁴.

В Череповецком уезде крестьяне питалось мхом, что повлияло на увеличение числа заболевших и, естественно, смертности. В Пермской губернии некоторые районы пришлось перевести на военное (или, как отмечалось в сообщениях с мест, «осадное») положение из-за нарас-

тающего голода (а не просто из-за нехватки продовольствия) и волнений, прокатившихся по ряду волостей. В городе Осе (та же губерния) более 250 крестьян (мужчин и женщин) из близлежащих волостей, собравшись у исполкома, угрожали убийством заместителю председателя последнего (который вышел их увещевать, обещая решить вопрос с продовольствием) и разгромом ссыпных пунктов⁵.

Не изменилась ситуация и осенью 1921 г., после сбора урожая. Так, в Костромской губернии крестьяне продолжали, как и летом, питаться суррогатами⁶. В уездах Вятской губернии вследствие недоедания развивалась эпидемия сыпного и возвратного тифа (в неделю заболевало не менее 200 человек в каждом уезде)⁷. В деревне Тахчале Спасского кантона Татарской республики за 10 дней октября умерло 45 детей и 6 взрослых. В 150 близлежащих деревнях ситуация складывалась примерно также. Общее число голодающих в Татарии достигло 70%⁸. Смертность детей резко подскочила и в Оренбургской губернии⁹.

Особенно тяжёлыми оказались зимние и весенние месяцы 1922 г. Известия о массовых смертях поступали из Актюбинской области («дороги устланы трупами»)¹⁰, из Лабинского и Новороссийского округов¹¹. Суррогаты в пищу употреблялись уже повсеместно в Донецкой и Ставропольской губерниях¹². Голодающих крестьян по губерниям исчисляли уже миллионами, а настроения их оценивали как «весьма тревожные»¹³. В Пермской и Уфимской губерниях у крестьян закончились даже суррогаты¹⁴, был переведён на мясо практически весь

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 17, 139.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1251. Оп. 1. Д. 5. Л. 212-212 об.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 27

⁴ Там же. Л. 29

⁵ Там же. Л. 82.

⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2625. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 4. Д. 26. Л. 37-38; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2625. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 78.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² Там же. Л. 9, 10, 43.

¹³ Там же. Л. 52.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 73.

крупный рогатый скот и лошади. В голодающих предуральских деревнях (Пермская и Вятская губернии) население питалось «ботвой, рябиной, глиной, сосновой корой и липовыми опилками»¹. Среди демобилизованных из Красной армии крестьян (в Пермской и Екатеринбургской губерниях) отмечалось желание вернуться на военную службу, где, по крайней мере, кормили². В плодородной, производящей до революции с избытком зерна Уфимской губернии весной 1922 г. были зафиксированы открытые выступления крестьян, выдвигавших единственное требование – «хлеба»³.

В Самарской губернии, где голод в конце весны 1922 г. дошёл «до ужасных размеров», крестьянство употребляло в пищу всё, что можно было есть. Отмечались и случаи людоедства (в некоторых сёлах, по словам представителей местных властей, оно «принимает массовые формы»)⁴. Соседние губернии огораживались вооружёнными кордонами, не пропуская голодающих на «свою» территорию.

В Башкирии, как и в Татарии, отмечались факты вымирания весной 1922 г. целых деревень⁵. В Северной Ингушетии голодало тогда же более 40% населения. Крестьяне бежали в города, продавая свои дома всего за 2–3 пуда кукурузы⁶, которые тут же уходили в оплату продовольственного налога.

И весной 1923 г. голод стоял на первом месте среди проблем крестьянского населения России. Так, в ряде районов Карелии у крестьян зерновых запасов совсем не осталось, и они питались соломой и суррогатами. В ряде волостей крестьяне приходили со своими детьми в волостные исполкомы и просили оказать им помощь, получив отказ, бросали детей на пороге советских учреждений⁷.

В то же время отмечалось, что продналога собрано свыше 100%⁸. В результате, продналог, который должен был сменить продразвёрстку и «способствовать миру между властью и крестьянством», вызывал не меньшее раздражение, и протесты, чем голод.

Летом–осенью 1921 г. на Кубани прокатились волнения среди крестьян из-за взимания продналога. Волнения эти были настолько серьёзными, что власти для контроля над ситуацией применяли вооружённую силу⁹. В Вятской губернии отношение к продовольственному налогу, который превосходил продовольственную развёрстку, было резко отрицательным¹⁰.

В Ставропольской губернии с крестьянских хозяйств, урожай которых составил по 150 пудов зерна, требовали по продналогу 175 пудов. В ответ крестьяне, отчитавшись перед продорганами (возмущавшихся арестовывали или накладывали штрафы), в массовом порядке бросали хозяйство и уезжали в уездные центры в поисках любой работы¹¹.

Осенью 1921 г. ситуация не изменилась. В Архангельской губернии крестьяне отказывались выполнять продналог из-за его объёмов. В Вологодской губернии сельские жители затягивали сдачу продналога, считая, что он способствует «возрождению кулачества»¹². На Кубани крестьяне просто прятали зерно, чтобы уберечь его от сдачи по продналогу¹³. Власти в ответ пошли на репрессии, организовав выездные сессии ревтрибуналов¹⁴ и вновь двинув в деревню вооружённые (и наделённые большими полномочиями) продовольственные отряды. В начале 1922 г.: в Новониколаевском уезде и в Ордынском районе Новониколаевской губернии продотрядники производи-

¹ Там же. Д. 2628. Л. 27.

² Там же. Д. 2627. Л. 97.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 107.

⁵ Там же. Д. 2628. Л. 98.

⁶ Там же. Д. 2634. Л. 99.

⁷ Там же. Д. 2649. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 41.

⁹ Там же. Д. 2621. Л. 49.

¹⁰ Там же. Л. 52.

¹¹ Там же. Д. 2643. Л. 15.

¹² Там же. Д. 2625. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 7.

ли аресты не выполнивших заданий по продналогу крестьян, содержали их в холодных сараях, применяя к несогласным с политикой и действиями советской власти аресты, обыски и порки. Уполномоченные губпродкома требовали у крестьян подписку о выплате 100% продовольственного налога¹.

Всё это не решило, а лишь усугубило ситуацию. Дошло до того, что против продналога выступили коммунисты, которые в знак протеста выходили из партии (такие случаи отмечались в Татарской республике)². В Одесской губернии крестьянам для внесения продовольственного налога и из-за страха перед возможными репрессиями, пришлось покупать зерно на рынке³. В Тульской губернии крестьяне из-за необходимости сдачи продналога продавали свои дома и хозяйственные постройки, скот, семенной материал⁴. Подобные факты отмечались в Тамбовской и Омской губерниях, соответственно, и отношение к продналогу были таким же, как и к продразвёрстке – резко отрицательным⁵. В Омской губернии крестьян подвергали избиениям и арестам. Крестьяне, бросая хозяйства, уходили целыми семьями в тайгу. Особенно «отличились» в той же губернии 3-й продовольственный отряд и 156-я продовольственная дружина, которые ради выполнения плана по сбору продналога применяли самые жёсткие меры – избиения, аресты, обыски, запугивания, издевательства (так, в одной из волостей Омского уезда не выполнивших обязательств по продналогу крестьян заставили бежать с красным знаменем 20 вёрст, отстающих избивали прикладами, упавших расстреливали)⁶. И это при том, что в Омской губернии голодало по разным уездам от 25 до 65% крестьянского населения.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 13.

² Там же. Л. 34.

³ Там же. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 130.

⁶ Там же. Д. 2628. Л. 76, 107.

Продналог не собирался, а «выкачивался» из деревни насильно (добавим конфискации, реквизиции и гарнцевый сбор). В результате крестьяне продавали скот, инвентарь, постройки – всё, чтобы выплатить продналог, а затем уходили в город, рассчитывая избежать в дальнейшем давления со стороны советских продовольственных структур. У оставшихся в деревнях настроение оценивали уже как «враждебное». Отмечались случаи не только утаивания хлеба или подкупа должностных лиц, сокращения и утаивания размеров посева, но и убийства продинспекторов, а также случаи открытых выступлений, принятия общими собраниями крестьян лозунга «Долой Советскую власть, да здравствует свобода». В то же время специальные губернские комиссии, которые расследовали деятельность местных продработников, «не находили злоупотреблений и состава преступления». В ответ на подобные решения наблюдался выход крестьян-коммунистов из партии⁷. А в Кокачинском уезде Омской губернии на беспартийной крестьянской конференции было принято предложение прекратить сбор продналога, в случае отказа обратиться напрямую к Ленину⁸.

То есть, продналог не стал тем спасательным кругом, который смог бы спасти социальную ситуацию, помилив город и деревню, крестьянина и пролетария. Каждый из них считал, что только он выступает основой государства, а потому в условиях провозглашённого социализма настаивал на послаблениях только в свою пользу.

Но больше всего возмущение крестьян вызывал произвол власти – и местной, и центральной, и не только в связи с продналогом, но в связи с желанием чиновников поставить крестьян на то «место», которое им было определено марксистской теорией. В результате, правда, желание это выливалось в откровенный произвол и репрессии⁹.

⁷ Там же. Л. 77.

⁸ Там же. Д. 2629. Л. 6.

⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 2. Л. 90-91; Оп. 96. Д. 760.

Уже летом 1921 г. отношение крестьянского населения уездов Пермской губернии к советской власти характеризовалось как «враждебное». В начале 1922 г. настроение сельского населения Самарской губернии оценивалось в целом как «возбуждённое», к коммунистам – «недоброжелательное», и отмечалась причина подобной ситуации – крестьянству совершенно не оказывается никакая помощь¹.

И в конце весны 1922 г. ситуация мало изменилась. Так, настроение даже беднейшего крестьянства Тамбовской губернии оценивалось как «недовольное», т. к. не доставало зерна для обсеменения полей, что влекло за собой сдачу земли в аренду и уменьшение урожая осенью².

В октябре 1922 г. из Архангельской губернии поступали сообщения о росте «бесчинства» коммунистов, которые, в частности, появляясь в пьяном виде в общественных местах (как правило, на беспартийных крестьянских конференциях), устраивали стрельбу из револьверов³, что не могло не вызвать резко отрицательное отношение к РКП(б) со стороны местного крестьянского населения, воспитанного на иных традициях. «Неудовлетворительным» характеризовалось настроение крестьянского населения в Ярославской губернии. Здесь, в деревенской среде, распространялись слухи о скорой войне с Англией, о мобилизации всех возрастов, о насильственном устранении от власти Ленина и о падении в ближайшем будущем Советской власти. А потому, считая, что власть скоро падёт и поддерживать её не стоит, крестьяне решали не сдавать продналог⁴.

В январе 1923 г. оставалось «неудовлетворительным» настроение крестьян и в Омской губернии (из-за действий про-
длинспекторов, представителей властей на

местах)⁵. То же наблюдалось и в Тюменской губернии в феврале того же года, где на беспартийных крестьянских конференциях делегаты в один голос заявляли: «Мы коммунистам не верим...»⁶.

В Семипалатинской области в марте 1923 г. недовольства крестьян вызывались исключительно действиями местных властей и большевистских ячеек⁷. А на сельском сходе сёл Троицкой волости Конского уезда Красноярской губернии в мае 1923 г. советскую власть оценивали «хуже колчаковской»⁸.

В совокупности, отношение советской власти к решению продовольственного вопроса, борьбы с голодом, сдачи продовольственного налога, к злоупотреблению на местах и прочее, не могло не сказаться и на отношении крестьянства в начале 1920-х гг. к новой экономической политике как к таковой.

В июне 1921 г. во Владимирской губернии новая экономическая политика истолковывается крестьянством как подготовка коммунистов к передаче власти иным политическим группам⁹ (но к каким, на это крестьяне ответить, естественно, не могли).

В январе 1922 г. в Омской губернии было отмечено участие коммунистов в «уголовных бандитских шайках». Арестованные объясняли своё поведение неприятием новой экономической политики¹⁰. В Ярославской губернии в феврале 1922 г. отмечался массовый выход крестьян-коммунистов из партии из-за несогласия с новой экономической политикой¹¹. В Томском уезде из-за неприятия новой экономической политики из партии вышли 60% деревенских коммунистов. Та же ситуация наблюдалась и в Новгородской и Саратовской губерниях¹².

⁵ Там же. Д. 2649. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 2652. Л. 38.

⁷ Там же. Д. 2653. Л. 61.

⁸ Там же. Д. 2656. Л. 79.

⁹ Там же. Д. 2621. Л. 73.

¹⁰ Там же. Д. 2627. Л. 121.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2645. Л. 143.

¹² Там же. Д. 2630. Л. 87; Д. 2631. Л. 16.

Л. 4-4 об.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 51.

² Там же. Д. 2633. Л. 87.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 2. Л. 53-53 об.; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2646. Л. 22.

⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2645. Л. 60.

Летом 1922 г. отрицательным оставалось отношение к нэпу как у коммунистов, так и у беспартийных крестьян Татреспублики¹. Осенью 1923 г. подобные настроения сохранялись в Новониколаевской губернии и среди крестьян Алтая². (Но к началу 1923 г. среди крестьян-коммунистов наблюдалось стремление к частному предпринимательству³, что можно расценивать как интерес к тем возможностям, который предоставлял нэп.)

Представляет интерес «Обзор политико-экономического состояния РСФСР по данным государственного политического управления за май и июнь 1922 г.», который, правда, во многом отличался от той ситуации, что складывалась, согласно сообщениям с мест, в провинциальных уездах в это время.

Относительно политических настроений в крестьянстве в обзоре указывалось, что конец весны – начало лета 1922 г. можно считать «переломным» в настроениях крестьянства. «Перелом» этот определялся несколькими моментами.

Во-первых, правильным подходом к хозяйственным взаимоотношениям между городом и деревней и оптимально-взвешенным подходом властей к проблеме налогов с деревни, учитывая достаточно большой урожай зерновых.

Во-вторых, важным фактором, предопределившим спад социальной напряжённости в российской деревне, считалась «выявившаяся остановка роста цен» (при этом, правда, не упоминалась разница в материальном положении и покупательной способности той или иной крестьянской семьи)⁴.

В-третьих, крестьянство, «утомлённое революциями и войнами» смогло получить возможность обратить своё внимание на собственное хозяйство, учитывая, в первую очередь, легализацию таких экономических институтов, как аренда

земли, наём рабочей силы, да и всей системы товарно-денежных отношений.

В-четвёртых, считалось (по мнению авторов обзора), что голод к лету 1922 г. «сломлен».

В обзоре отмечалось, что одной из причин, вызывавших волнения в крестьянской среде в начале 1920-х гг., стало проведение во время посевной страды трудгужповинности (добавим к страде ещё и тот факт, что количество лошадей в крестьянских районах сократилось с 1914 г. с 90% до 25%)⁵. Среди иных причин недовольства в обзоре указывались денежные налоги и поборы, а также налог на масло и яйца. Отрицательную роль сыграл и общегосударственный налог в пользу голодающих, т. к. его собирали с крестьян, обнищавших за прошедшие 5–8 лет⁶.

Но в обзоре не говорилось ни слова о произволе власти на местах, о ставке власти исключительно на силу при решении социальных конфликтов, о том, что новую экономическую политику не везде и не все приняли однозначно одобрительно, считая её (даже в коммунистической среде) отступлением от марксистских принципов. Далеко не всё в обзоре соответствовало истине, далеко не все причины крестьянского недовольства были отмечены или объяснены.

Анализируя имеющийся в нашем распоряжении документальный материал, констатируем, что причины протестных настроений в крестьянской среде можно разбить на несколько блоков.

Экономические. Продовольственный налог в первый год нэпа был больше, чем продразвёрстка времён военного коммунизма. Крестьянство оставалось в недоумении: власть декларирует смену социально-экономических отношений между городом и деревней, а на деле всё усложняется и деревня вновь оказывается «в проигрыше».

Социальные. Безразличное отношение властей к крестьянскому хозяйству, ко-

¹ Там же. Д. 2635. Л. 17 об.

² Там же. Д. 2643. Л. 36; Д. 2644. Л. 11; 2648. Л. 80.

³ Там же. Д. 2651. Л. 46.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 55-56 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 760. Л. 8 об.

⁶ РГАСПИ. Ф.5. Оп. 1. Д. 2659. Л. 38-39.

торое не изменилось со времён военного коммунизма, к крестьянским запросам и проблемам. Соответствующим был и отклик на подобное отношение крестьянства.

Отношение власти к религии и к традиционным семейным ценностям. Гражданская война расколола крестьянскую семью, и даже во времена нэпа раскол только увеличился. Кстати, в упомянутом выше обзоре говорится, что крестьянство равнодушно реагировало на изъятия ценностей из церквей, т. к. согласно основным целям этой кампании, всё изъятное должно было идти на помощь голодающим. Это не так, отмечались многочисленные случаи, когда крестьянство той или иной деревни, той или иной волости выступало в защиту своих местных церквей и своих местных священнослужителей. И дело не ограничивалось только увещеваниями со стороны властей, были и открытые вооружённые стычки. Справедливости ради надо сказать, что отмечались случаи, когда крестьяне сами изымали церковную утварь, а сопротивляющихся церковных служителей подвергали насилию, не останавливаясь и перед убийством.

Борьба с голодом. Власть, по мнению крестьян, не оказывала достаточной помощи голодающим. Действенную помощь в большей степени (и власти это сами признавали) оказывали международные организации.

Конечно, начало 1920-х гг. не было отмечено такими всплесками крестьянского недовольства, какое наблюдалось в первые послереволюционные годы, но протестное настроение не исчезло. Оно проявлялось повсеместно, и зачастую в очень острых формах. Да, властям удавалось сбить накал протеста (применялись все доступные методы – и экономические, и социальные, и силовые), но высту-

пления крестьянства в условиях «поиска гражданского мира» свидетельствовали о явном невнимании и недоучёте причин, вызывавших недовольства.

Свою роль в изменениях (исключительно количественных) недовольства крестьян сыграла и возможность заняться собственным хозяйством, и возможность привлекать недостающую в хозяйстве землю (за счёт аренды) и рабочую силу (за счёт найма), возможность расширять своё хозяйство за счёт иных промыслов, наращивать достаток благодаря легализации товарно-денежных отношений – всё это (и многое другое) успокаивало страсти в деревне.

Выстраивание взаимоотношений с государством продолжалось до 1926–1927 гг., но в крестьянской среде протестные настроения никогда не утихали полностью, поскольку деревня всегда оставалась антиподом городу, а крестьянство – пролетариату. И особенно ярко это проявлялось во времена социальной нестабильности и общественно-политических кризисов.

Мира между крестьянством и властью, деревней и городом в годы новой экономической политики не получилось, можно говорить лишь о кратковременном перемирии (но и к нему шли, не считаясь с жертвами): власть шла на определённые уступки, и крестьянство шло на подобного рода уступки, но не более того. Уже во второй половине 1920-х гг. можно говорить о новом нарастании противоречий, связанных с ограничениями нэпа, со ставкой большевистского руководства на иные ценности, на иные социально-экономические институты, на иных лидеров хозяйственного блока, на (несколько обновлённую) военно-коммунистическую идеологию.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социально-культурные изменения). Брянск: БГИТА, 2004. 330 с.
2. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.
3. Митрохин А. В. Крестьянство и сельские коммунисты в Рязанской губернии в годы НЭПа // Ключевские чтения – 2008: отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2008. С. 440–444.
4. Хришкевич В. Т. Отношение крестьянства Псковской губернии к советской власти (по материалам секретных сводок ОГПУ 1920-х гг.) // Земля Псковская, древняя и современная. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1999. С. 177–183.

REFERENCES

1. Kulachkov V. V. *Krestyanstvo Sapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sozialno-kulturnye ismeneniya)*. [The Peasantry of the Western region of Russia in the 1920s (socio-cultural changes)]. Bryansk, Bryansk State Engineering and Technological University Publ., 2004. 330 p.
2. Livshin A. Ya. *Nastroeniya i politicheskie emozii v Sovetskoi Rossii. 1917–1932*. [Moods and political emotions in Soviet Russia. 1917–1932]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 344 p.
3. Mitrokhin A. V. [The peasantry and rural Communists in the Ryazan province in the years of the NEP]. In: *Klyuchevskie chteniya – 2008: otechestvennaya istoriya i kultura: edinoe prostranstvo v past, present and future* [Klyuchevsky readings – 2008: Russian history and culture: a common space in the past, present and future]. Moscow, Publishing house of the Moscow State Pedagogical University, 2008, pp. 440–444.
4. Hrishkevich V. T. [The attitude of the peasantry of the Pskov province to the Soviet government (based on secret reports of the OGPU of the 1920s)]. In: *Semlya Pskovskaya, drevnyaya i sovremennaya* [Pskov land, ancient and modern]. Pskov, Pskov State United Historical, Architectural and Art Museum-Reserve Publ., 1999, pp. 177–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: socio-political and economic problems», Institute of World history of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Телицын В. Л. Политические настроения крестьянства в первые годы новой экономической политики: гражданский мир или новый виток противостояния с властью? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 23–32. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-23-32

FOR CITATION

Telitsyn V. L. The political mood of the peasantry in the first years of the New Economic Policy: civil peace or a new round of confrontation with the authorities? In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences*, 2021, no. 2, pp. 23–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-23-32